

В.Г.Дидковская

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ИСТОРИИ РУССКОЙ АГИОГРАФИИ

Рассмотрены некоторые проблемы изучения Жития Александра Невского. Главная цель статьи — охарактеризовать его значение в истории жанра древнерусских княжеских житий и обобщить проблематику его изучения. Основное содержание статьи сводится к сопоставительному анализу редакций Жития Александра Невского разного времени, других княжеских житий и результатов их изучения в трудах по истории русской агиографии. Обобщение наблюдений позволило выявить трансформации и новации в агиографической литературе в сопоставлении с первыми редакциями Жития. Отмечено стремление акцентировать в образе князя-воина черты святого и в то же время усиление исторической биографичности. Кроме того, Житие рассмотрено как источник интертекстуальности в княжеских житиях — особенности его текста обусловили устойчивую тенденцию к составлению житийных произведений, близких к жанру воинских повестей. И, наконец, анализ цитации в Первой редакции Жития был использован как средство выявления авторского начала в его тексте.

Ключевые слова: Житие Александра Невского, агиография, авторское начало, биографизм, древнерусские тексты, редакции жития

Письменных свидетельств об эпохе Александра Невского сохранилось немного, причем менее всего от второй половины XIII века — времени татарского нашествия. «Возможно, поэтому голос самого великого князя Александра Ярославича едва ли различим сегодня, тем более, что князь не оставил после себя литературных сочинений и письменного завещания, подобно ...своему предку, киевскому князю Владимиру Мономаху...» [1]. Личность князя предстает на страницах сохранившихся письменных памятников в восприятии его современников, «самовидцев возраста его», и близких или отдаленных во времени потомков. Первое место среди этих источников следует отдать русским летописям — прежде всего Лаврентьевской и Новгородской Первой старшего извода, первая часть которой написана в конце XIII в., а вторая — в первой четверти XIV в. В ней впервые, еще безымянно, вместе с братом, был упомянут будущий великий князь под 1223 г. (в лето 6731); в ней же содержится известие о его смерти: *В лето 6771 [1263]. Приде князь Олександръ ис Татаръ велми не здравя, въ осенить, и приде на Городецъ, и пострижеса въ 14 мѣсяца ноября, на память святого апостола Филипа. Тои же ночи и преставися; <...> даи, господи милостивии, видѣти ему лице твое в будущи въкъ, иже потрудися за Новѣгородъ и за всю Русьскую землю [2].*

Самым важным литературным памятником эпохи Александра Невского, безусловно, является его Житие. Следует заметить, что под этим названием объединяются разные тексты — разных редакций и их вариантов, разного времени и авторов. Но самым важным среди них является Первая редакция, т.н. Летописная или церковно-летописная, или Первоначальная, которую Н.И.Серебрянский назвал одной из самых замечательных северно-русских княжеских биографий. Историческая древность, сближающая ее со временем жизни Александра Невского в отличие от других редакций, обуславливает ее особое положение среди других княжеских житий. Она создавалась в то время, когда, по словам Н.И.Серебрянского, древнерусские писатели, не находя в византийской письменности готовых литературных образцов для написания княжеских житий, вынуждены были создавать их тексты самостоятельно, ориентируясь как на общие житийные каноны, так и на факты княжеских биографий [3]. К таким оригинальным произведениям, не имеющим агиографических образцов, относит древнейшее житие Александра Невского Г.П.Федотов [4].

В предлагаемой статье не рассматриваются текстологическая история Жития, характеристика его редакций (в настоящее время называют до 20 и более редакций), вопросы о времени и месте создания каждой из них, проблема авторства и т.д. Об этом написано немало исследований, хотя полного многоаспектного исследования, посвященного этим вопросам, кроме книги В.Мансикки, вышедшей в начале прошлого века [5], все еще нет. Целью нашей статьи является сопоставительный анализ некоторых редакций Жития Александра Невского и обобщение наблюдений над их текстами с целью уяснить его место и значение в общей истории древнерусских княжеских житий и всего агиографического жанра.

В качестве материала для наблюдения используются Летописная, или Первоначальная редакция (80-е гг. XIII века, древнейший список XV в.), а также Особая, или вторая, редакция, составленная в XIV в., но где и кем — не известно. Отметим, что Н.И.Серебрянский предполагал ее новгородское происхождение на основании того, что в заглавии Александр Невский назван великим князем Новгородским. Кроме того, в старшем списке этой редакции (Уваровском) он отмечает графико-фонетические черты, которые считает новгородскими: например, читаем: «оцѣстивъ», «Яроновицельмъ»; «пособѣти», «побѣша», «разгордився», «разгорився» и т.п. [3, с. 279]. Кроме того, в нашей работе использованы материалы специальных исследований В.Мансикки, Н.И.Серебрянского, Г.П.Федотова, В.О.Ключевского, Д.С.Лихачева и др.

Как представляется, можно назвать три основных фактора, обуславливающих особое положение Жития в истории древнерусской агиографии, с одной стороны, и устойчивый исследовательский интерес к нему, с другой.

1. Сопоставление разных редакций Жития позволяет выявить общие тенденции и новации, которые прослеживаются в агиографической литературе Руси-России.

Отправным текстом для наблюдения этих процессов в научной литературе становятся две древнейшие редакции Жития Александра Невского — Первоначальная и Особая. Их тексты отличает соединение канонов воинской повести и жития: воинские добродетели князя свободно присоединяются к церковным и осеняются венцом святости [6]. Это определение в первую очередь относится к Первоначальной редакции, название которой в полной мере соответствует этой характеристике: *Повѣсть о житии и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра*. В списке Московской духовной Академии начало этой же редакции еще более выразительно: *Скажем мужество и житие его* [5, с. 1].

По мнению историков (С.М.Соловьева, В.О.Ключевского), древнейшее житие Александра Невского нельзя считать агиографическим произведением. Ключевский дал ему интересную характеристику: «Житеписатель, школы Пахомия Логофета, сказал бы, что автор повести об Александре совсем не умеет писать жития» [7]. Особенно показательна в этом отношении Особая редакция, которая более всего сближается со светской биографией, хотя и помещается в сборниках церковного типа: так, в ней отсутствуют аналогии со священной историей, тексты из священного писания, молитвенные обращения князя, нет описания чуда с «душевной грамотой», зато в начале текста князь уподобляется царю Алевхису (Ахиллесу) и Александру Македонскому.

Первоначальная редакция Жития, дополненная и переработанная в соответствии с требованиями времени, при митрополите Макарии послужила источником для составления двух новых редакций: *Слово похвальное благоверному великому князю Александру, иже Невский именуется, новому чудотворцу, въ немже и о чудествхъ его сповѣдася* (Владимирская редакция), в 1550 г. вошедшее в состав Великих Четых Миней, и *Житие и жизнь и повѣсть о храбрости и о чудествхъ святаго и великаго князя Александра Невскаго, списано вкратцѣ*, составленное псковским пресвитеромъ Василиемъ-Варлаамом. Композиция и содержание «Слова похвального» полностью соответствует макариевской агиографической традиции: это уже житие святого, поэтому его автор «устраняет все, не соответствующее житийному характеру памятника <...>, но распространяет текст Первоначальной редакции агиографическими мотивами, <...> он вкладывает в уста Александра благостивые наставления, расширяет молитвы. <...> Традиционно и изложение тринадцати чудес, почти все они относятся к позднему времени и записаны со слов монахов Рождественского монастыря» [8].

В конце XVI в. была составлена редакция Жития для Степенной книги: *Житие и подвизи вкупѣ же отчасти чудеса прехвальнаго и блаженнаго великаго князя Александра Ярославича, рекомаго Невскаго, нареченнаго во иноцех Алексия*; она помещена в 8-й степени, состоящей из 13 глав. Редакция Степенной книги названа Ключевским исторической повестью, «обильной историческими подробностями» за счет использования разных дополнительных источников, главным образом летописей. В нем появляется элемент художественного вымысла — самосмышления: князья произносят длинные речи, молитвы, нравоучения, сочиненные автором. По мнению Ключевского, книжники в это время уже понимали разницу между житием, «облеченным в реторику похвального слова», и исторической биографией для исторического сборника [7, с. 242]. По этой причине в эту степень включены описания только двух посмертных чудес с целью показать, как прославил князя Бог «якоже в животе, тако и по смерти».

В 1591 г. архиепископом Ионой Думиным было составлено *Житие и подвиги благовернаго великаго князя Александра, иже Невский именуется, новаго чудотворца, о нем же и о чудесех его отчасти исповедание* — самое пространное из старинных житий. В нем использован текст Владимирской редакции, дополненный описанием посмертных чудес, которые скрупулезно собраны и описаны архиепископом Ионой. Показательно стремление автора княжеское житие превратить в житие преподобническое. Он подчеркивает, что писать житие «преподобнаго спостника, отца нашего Алексия», что иноческий подвиг благоверного князя Александра он ценит выше его воинских и государственных подвигов.

Таким образом, сопоставление Первоначальной (и Особой) редакций с редакциями макариевского времени выявляет две тенденции в трансформациях текста Жития: во-первых, усиление «житийности», стремление акцентировать в образе князя-воина черты святого чудотворца, и во-вторых, в это же и последующее время намечается ослабление агиографических черт, активизация исторического начала, следование летописным текстам. Именно элементы исторического повествования заложили основу для появления светских редакций Жития с чертами литературности, как, например, в особых редакциях XVII в.

Эти две тенденции по-разному продолжались в агиографических сборниках XVIII, XIX—XX вв., но биографичность и историзм становятся постоянными компонентами житийной литературы. Так, *Житие святаго благовернаго князя Александра Невскаго* в сборнике [9], источником для которого служит Синодальное издание «Житий святых на русском языке ...» 1902—1917 гг., — это развернутая повесть с указанием дат и имен участников исторических событий, с изложением биографических подробностей, хотя и сохранившая связь с содержанием его древних редакций. Завершается этот вариант Жития описанием почитания памяти Александра Невского при Петре Первом и его преемниках.

2. Житие Александра Невского стало образцом для составления княжеских житий, своего рода источником интертекстуальности в древнерусской агиографической литературе.

Его явное влияние традиционно отмечается в *Повести о Довмонте*, *Сказании о Мамаевом побоище* и *Житии Дмитрия Донского*. Интересно отметить, что В.О.Ключевский использует Житие Александра Невского в качестве основания сравнения в неожиданном контексте — в связи с характеристикой Жития Иулиании Осорбиной (XVII в.), которое, как он считает, «после повести современника об Александре Невском <...> едва ли не впервые выводит читателя из сферы агиобиографии и дает простую биографию светской женщины, даже перед смертью не сподобившейся ангельского образа» [7, с. 322].

Глубокий сопоставительный анализ Жития и Повести о Довмонте (XIV в.) представлен в монография В.И.Охотниковой [10]. Она пришла к выводу о том, что этот псковский памятник имеет литературным образцом не Первоначальную, а вторую, Особую редакцию Жития Александра Невского, поскольку в нем создан светский идеал князя: здесь нет религиозно-дидактического уклона, отсутствуют библейские аналогии, нет цитат из Священного писания, упоминаний об ангельской помощи, о чудесах. В.И.Охотникова выделяет несколько фрагментов Повести, непосредственно связанных с текстом Особой редакции Жития; один из них — Похвала Довмонту, представляющая собой выборку из текста Особой редакции, использованную для создания образа великого воина-князя: *И прославися имя князей наших во всех странах, и бысть имя их грозно на ратех, и быша князи князем и воеводы воеводам, и бысть грозен глас их пред полки, аки труба звенящи, и бысть побеждая, а не победими, якоже бе и Акрита един побеждая полки...* — Ср. в Житии: *и бысть имя его грозно на ратех и бысть Александр князь князем и воевода воеводам, и бысть грозен глас его, яко труба звенящи, и бысть Александр побеждая везде, и не победим, яко един Акрита.*

В «Сказании о Мамаевом побоище» (XV в.) исследователи отмечают те же особенности, которые присущи древнейшим редакциям Жития: отличия от памятников агиографического жанра, близость к древнерусским воинским повестям, но с сохранением чудесного элемента [см., например, 11]. Так же, как и в Повести о Довмонте, здесь нет прямых заимствований из Жития Александра Невского, но тем яснее проявляются сложившиеся в нем общие принципы построения текста о князе-воине. К их числу можно отнести так называемые перечни участников исторического события (см. перечисление 6 храбрецов, участвовавших в Невской битве): посланных «на сторожу избранных своих крѣпких оружниковъ», «избранных своих витязей», купцов нарочитых московских, взятых с собой в качестве свидетелей и вестников в чужих землях [12].

Один из фрагментов Сказания — ночь перед битвой с войском Мамаея — повторяет рассказ о чудесном явлении Св. Бориса и Глеба перед Невской битвой из Жития Первоначальной редакции: появляется очевидец чуда, *нѣкто муж, имянем Фома Кацибѣй, разбойникъ* (в Житии старейшина Ижорской земли Пелугий, крестившийся язычник), которому *богъ откры ... видѣти видѣние велико*, как с южной же стороны пришли двое юношей, одетые в светлые багряницы, лица их сияли, будто солнца, в обеих руках острые мечи: *И начаша их стѣщи и всѣхъ изстѣкоша, ни единъ от них не избысть*. Завершающая этот фрагмент молитва князя Дмитрия почти дословно повторяет молитву Александра Невского: «...помози ми, яко же Моисею на Амалика и първому Ярославу на Святоплѣка, и прагѣду моему великому князю Александру на хвалящегося короля римского...» — Ср. в Житии: *Князь же Александръ воздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Суди ми, Боже, и расуди прю мою от языка непреподобна, и помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика и прагѣду нашему Ярославу на окааннаго Святополка»* [12, с. 224-225].

Связь «Слова о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русаго» (XV в.), старшие тексты которого читаются в Новгородской четвертой, Новгородской Карамзинской летописях, с текстом Первоначальной редакции прослеживается в меньшей степени — в использовании отдельных лексических формул и образных средств, например, в описании чуда с ангелами перед Куликовской битвой, в котором упоминаются Святые мученики Борис и Глеб и погибший «треклятый Святополк», в использовании сравнения «якоже преже Моисей Амелика победи» для характеристики великой победы князя Дмитрия Ивановича. Влияние текста Жития Александра Невского, хотя и адаптированное к новому панегирическому стилю житий XV в., можно видеть и в описании смерти и погребения князя Дмитрия Ивановича: *И плакаша над ним князи и бояре, велможы и епископы, архимандриты и игумены, попове и диаконе, чръноризци и всь народ от мала и до велика, и нѣсть такова, кто бы не плакаль... Егда же успе вѣчнымъ сномъ великый царь Дмитрий Руския земля, аерь възмутися, и земля трясаешя, и челоуѣци смятошяся. <...> Но токмо слышахъ мног народ глаголющъ: «О, горе нам, братие! Князь княземъ успе, господинъ властвующимъ умре! Солнце помрачается, луна облакомъ закрывається, звѣзда, сияющая всему миру, к западу грядет!»* [13]. — Ср. в Житии Александра Невского: *Митрополит же Кириль глаголаше: «Чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце земли Суздальской!» Иерѣи и диакони, чрноризци, нищии и богатии, и вси людие глаголааху: «Уже погыбаем!» Бысть же вопль, и кричание, и туга, яка же нѣсть была, яко и земли потрястися.*

Таким образом, Житие Александра Невского первых редакций оказалось источником, к которому обращались разные авторы, в разное историческое время работавшие над составлением княжеских житий, причем особенности его текста обусловили устойчивую тенденцию к составлению житийных произведений, близких к жанру воинских повестей. На лексико-стилистическую связь рассмотренных нами текстов указывает, например, замечание Н.К.Гудзия об особенностях стиля «Слова о житии великаго князя Дмитрия Ивановича»: «...агиографические шаблоны похвального слова осложнены здесь элементами стиля воинской повести, восходящими, как к прототипу, к житию Александра Невского ...» [14]. Именно в нем закрепляются определенные приемы, трафаретные выражения, которые переносятся из одного текста княжеских житий и близких к ним произведений в другие, например, воинские словесные формулы: *исполнися духа ратного*,

гоними гневом божиим, вложил бог страх в сердце врагов, дати плеча, в силе тяжце, рукама яти, отер ратный пот, побеждая, и не победим и т.д.

3. Исследование древних редакций Жития Александра Невского позволяет составить представление о его читателе и авторе (-ах), поскольку, говоря современным филологическим языком, текст жития, как и любой текст, существует между читателем и писателем, создает диалог между ними. Любой автор, создавая текст, рассчитывает на его понимание, предполагая, что читатель уразумеет не только то, что сказано словами, но и то, что привносится в него совместным знанием читателя и писателя. Как писал еще митрополит Иларион, «ведь не к несведущим пишем, но к довольно насытившимся сладости книжной».

Авторское начало в тексте Жития Александра Невского, несомненно, выражается в выборе цитируемых в тексте фрагментов из других источников. Извлеченные из Жития, они образуют своего рода «текст в тексте», состав которого обусловлен авторскими интенциями. Анализ этого «текста» подтверждает, что «автор Первой редакции благоверного князя Александра не был случайным писателем», у него была значительная по тому времени начитанность не только в божественном писании, но и в светской литературе (см. об этом, например, [3]).

В соответствии с главной идеей автора о священности княжеской власти в тексте Первоначальной редакции широко используются образы из Ветхого Завета, поэтому ее читатель, чтобы понять цель и смысл их употребления, должен был знать и интерпретировать его тексты. Ветхозаветные аналогии, связанные с библейскими героями и мудрецами, рисуют идеальный образ князя, чертами своими превосходящий обыкновенного человека: «лице же его аки лице Иосифа, иже бѣ поставилъ его египетскый царь втораго царя въ Египтъ» (Быт. 41: 37-57), «сила же бѣ его — часть от силы Самсона (Кн. Судей, 13-16), «далъ бѣ ему Богъ премудрость Соломоноу»; «яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрости его».

Тексты ветхозаветных книг широко используется при рассказе о воинских трудах князя: так, одно из чудес во время Невской битвы сравнивается с известным событием, изложенным в Четвертой Книге Царств (19): *Бысть же в то время чудо дивно, яко же во древняя дни при Езекии цесари. Еда приде Санахиримъ, асурыйскый цесарь, на Иерусалимъ, хотя плънити град святой Ерусалимъ, внезапно изиде ангель Господень, изби и от полка асурыйска 100 и 80 и 5 тысящ, и, вставше утро, обрѣтошася трупы мертвы вся. Тако же бысть при побѣдѣ Александровѣ, егда побѣди короля, об онъ полъ рѣкы Ижжеры, иде же не бѣ проходно полку Олександрову, здѣ обрѣтоша много множество избьеных от ангела Господня.* Заметим, в описании Ледового побоища текст Священного Писания используется иначе: автор ограничивается упоминанием библейских царей, прославленных военными подвигами — Иисуса Навина, Царя Давида: *Зде же прослави Богъ Александра предъ всеми полки, яко же Иисуса Навина у Ерегона (Кн. Иисуса Навина, 6). Тако же и у князя Александра множество храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпци.*

Священные тексты представлены не только в авторском повествовании, но в тех фрагментах, которые образуют персонажную сферу текста: сам князь Александр по воле автора в своих речах цитирует Псалтырь, во-первых, в своих молитвах: *Въсприимъ же пророческую пѣснь, рече: «Суди, Господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, приими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ» (Пс. 34, 1-2);* во-вторых, в обращениях к дружине: *Он же, изиде ис церкви, утеръ слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силахъ Богъ, но въ правдѣ. Помянемъ Пѣснотворца, иже рече: “Сии въ оружии, а си на конѣхъ, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, ти спяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом”» (Пс. 19, 8-9).* Он же ссылается в своих речах и на события священной истории: *Князь же Александръ въздѣвъ руцѣ на небо и рече: «Суди ми, Боже, и расуди прю мою от языка непереподбна, и помози ми, Господи, яко же древле Моисию на Амалика...» (Исх. 17).*

Если автор Первоначальной редакции Жития начитан в Священном Писании и Священной истории, то автор Особой (Второй) редакции украшает свой текст другими именами, а воинские достоинства их носителей использует для похвалы князю Александру. Так, Уваровский список начинается его сравнением с Александром Македонским и «царем Алевхисом»: *О великом князе нашем Александре Ярославиче, и умнем и о крепкосмысленнем, о храбром тезоименитнаго царя Александра Македонскаго, и подобникъ царю Алевхысу крепкому, храброму... [5, с. 11].* В Академическом списке этой редакции добавлено упоминание о непобедимом Крите, что позволяет исследователям текста видеть в этом имени Дигениса Акрита, «героя Криту»: *и бысть Александръ побѣждая вездѣ, а непобѣдимъ, яко единъ Крита во крѣпости силы своя побѣждая полки, а непобѣдимъ николиже.* Эти упоминания очень интересно характеризует автора (и читателя) Особой редакции, читавшего и цитирующего Александрию, Повесть о разорении Иерусалима, Троянскую историю, Девгениево деяние.

Использование священных текстов и исторических светских произведений в первых редакциях Жития Александра Невского, на наш взгляд, имеют разное назначение: первые утверждают идею священного характера княжеской власти — «нести власти, аще не от Бога», а вторые, кроме включения воинских подвигов Александра Ярославича в контекст мировой истории, утверждают величие русского государства даже в тяжелое время Батыева нашествия.

Итак, Житие Александра Невского оказывается своеобразным «центром притяжения» и основанием для сопоставительного изучения княжеских житий разного времени и разных авторов, которое не только выявило ведущие тенденции развития житийного жанра, но и позволило проследить связи между разными книжными центрами Древней Руси и разными письменными традициями.

1. Карпов А. Великий князь Александр Невский. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2019. С. 23.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000. [Электр. ресурс]. URL: https://yandex.ru/search/?text=полное+собрание+русских+летописей+t.+6%2C+вып.1&lr=24&clid=2270453&win=515&suggest_reqid=911922904163656884899456003841818&src=suggest_Pers. (дата обращения: 01.12.2021).
3. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 158.
4. Федотов Г.П. Святые древней Руси. Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. М.: МАРТИС, 2000. С. 71. [Электр. ресурс]. URL: <https://esxatos.com/fedotov-svyatyue-drevney-rusi> (дата обращения: 21.12.2021).
5. Мансика В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. СПб., 1913. (Памятники древней письменности и искусства. № 180). 225 с.
6. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси // Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л.: Художественная литература, 1987. С. 36.
7. Ключевский В.О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 70. [Электр. ресурс]. URL: http://starienigri.info/Knigi/K/Klyuchevskij_V_O_Drevnerusskie_zhitiya_svyatykh_kak_istoricheskij_istochnik_1871.pdf (дата обращения: 01.12.2021).
8. Охотникова В.И. Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С.Лихачев. Вып. 1. (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука, ЛО, 1987. [Электр. ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/556>. (дата обращения: 20.12.2021).
9. Избранные жития русских святых. X—XV вв. М.: Молодая гвардия, 1992. С. 194-222.
10. Охотникова В.И. Повесть о Довмонте: Исследования и тексты. Л.: Наука, 1985. С. 142.
11. Клосс Б.М. Очерки по истории русской агиографии [Электр. ресурс] // Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 333. URL: <http://www.verigi.ru/?book=83>. (дата обращения: 20.12.2021).
12. Воинские повести Древней Руси. Л.: Лениздат, 1985. С. 209, 210, 215-216.
13. Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С.Лихачева. СПб.: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. [Электр. ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4985>. (дата обращения: 20.12.2021).
14. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 121-123. [Электр. ресурс]. URL: <https://facetia.ru/node/4575>. (дата обращения: 20.12.2021).

References

1. Karpov A. Velikiy knyaz' Aleksandr Nevskiy. Seriya ZhZL [Grand Duke Alexander Nevsky]. Moscow, 2019, p. 23.
2. Polnoe sobranie russkikh letopisey [The complete collection of Russian Chronicles], vol. 6, iss. 1. Sofiyskaya Pervaya letopis' starshego izvoda. Moscow, 2000. Available at: https://yandex.ru/search/?text=polnoe+sobranie+russkikh+letopisey+t.+6%2C+вып.1&lr=24&clid=2270453&win=515&suggest_reqid=911922904163656884899456003841818&src=suggest_Pers. (accessed: 01.12.2021).
3. Serebryanskiy N.I. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya (Obzor redaktsiy i teksty) [Old Russian Princely Lives (Review of editions and texts)]. Moscow, 1915, p. 158.
4. Fedotov G.P. Svyatyte drevney Rusi [Saints of ancient Russia]. In: Works in 12 vols, vol. 8. Moscow, 2000, p. 71. Available at: <https://esxatos.com/fedotov-svyatyte-drevney-rusi> (accessed: 21.12.2021).
5. Mansikka V. Zhitie Aleksandra Nevskogo. Razbor redaktsiy i tekst [The Life of Alexander Nevsky. Editorial review and text]. St. Petersburg, 1913. 225 p.
6. Likhachev D.S. Chelovek v literature Drevney Rusi [A Man in the Literature of Ancient Russia]. In: Selected works in 3 vols, vol. 3. Leningrad, 1987, p. 36.
7. Klyuchevskiy V.O. Drevnerusskie zhitiya kak istoricheskij istochnik [Ancient Russian lives as a historical source]. Moscow, 1871, p. 70. Available at: http://starienigri.info/Knigi/K/Klyuchevskij_V_O_Drevnerusskie_zhitiya_svyatykh_kak_istoricheskij_istochnik_1871.pdf (accessed: 01.12.2021).
8. Okhotnikova V.I., Likhachev D.S. (ed.). Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Russia], iss. 1. (XI — первая половина XIV в.). Leningrad, 1987. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/slovar-knizhnikov-i-knizhnosti-drevnej-rusi/556>. (accessed: 20.12.2021).
9. Izbrannye zhitiya russkikh svyatykh. X—XV vv. [Selected lives of Russian saints. X—XV centuries]. Moscow, 1992, pp. 194-222.
10. Okhotnikova V.I. Povest' o Dovmonte: Issledovaniya i teksty [The Tale of Dovmont: Studies and Texts]. Leningrad, 1985, p. 142.
11. Kloss B.M. Ocherki po istorii russkoy agiografii [Essays on the history of Russian hagiography]. In: Selected works, vol. II. Moscow, 1998, p. 333. Available at: <http://www.verigi.ru/?book=83>. (accessed: 20.12.2021).
12. Voinskie povesti Drevney Rusi [Military stories of Ancient Russia]. Leningrad, 1985, pp. 209, 210, 215-216.
13. Likhachev D.S., ed. Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of Literature of Ancient Russia]. St. Petersburg, 1999, vol. 6: XIV — середина XV века. Available at: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4985>. (accessed: 20.12.2021).
14. Gudziy N.K. Istoriya drevney russkoy literatury [The History of Ancient Russian Literature]. Moscow, 2002, pp. 121-123. Available at: <https://facetia.ru/node/4575>. (accessed: 20.12.2021).

Didkovskaya V.G. The Life of Alexander Nevsky in the history of Russian hagiography. The article considers some problems of studying the Life of Alexander Nevsky. The main purpose of the article is to characterize its significance in the general history of the Old Russian princely lives and the entire hagiographic genre. The main content of the article is limited to a comparative analysis of some editions of the Life of Alexander Nevsky, other Lives of princes and the results of their study in the works on the history of Russian hagiography. The generalization of observations has made it possible to identify general transformations and innovations in hagiographic literature compared to the first editions of the Life. The desire to emphasize the features of a saint in the image of the warrior prince and the strengthening of historical biographicity have been noted. In addition, the Life is considered as a source of intertextuality in the Lives of princes — the features of its text have led to a steady tendency to compose hagiographic works close to the genre of military stories. And finally, the analysis of the quotation in the First edition of the Life has been used as a means of identifying the author's presence in its text.

Keywords: The Life of Alexander Nevsky, hagiography, author's presence, biographism, Old Russian texts, editions of the Life.

Сведения об авторе. Виктория Генриховна Дидковская — доктор филологических наук, доцент; НовГУ им. Ярослава Мудрого, ИГУМ, кафедра филологии; ORCID: 0000-0002-2825-6409; Pobeda.49@yandex.ru.
Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.03.2022. Принята к публикации 01.04.2022.

Ссылка на эту статью: Дидковская В.Г. Житие Александра Невского в истории русской агиографии // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 3(42). С. 290-295. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.3(42).290-295

For citation: Didkovskaya V.G. The Life of Alexander Nevsky in the history of Russian hagiography. Memoirs of NovSU, 2022, no. 3(42), pp. 290-295. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.3(42).290-295